

Василиса Премудрая

Основано на издании 1894 г

Автор адаптации: Ольга Комарова

Данный текст, а также оригинал сказки доступны для просмотра по следующему адресу:

gusi-lebedi.org/content/vasilisa_premudraya/

Друзья! Мы вкладываем в наш сайт свою душу и огромное количество времени. Поэтому мы будем рады, если вы сохраните все ссылки в документе, а также расскажете о нас своим друзьям.

Команда gusi-lebedi.org

Василиса Премудрая

Подружились как-то Мышь с Воробьём, стали они вместе жить, сообща хозяйство вести. Договорились приятели всё, что добудут, между собой поровну делить. Вот раз-жился как-то раз Воробей маковым зёрнышком, принёс его домой и говорит Мыши:

— На, откусывай свою половину!

А Мышь уж такая голодная была, что взяла да вместо половины три четверти от зёрнышка откусила. Рассердился Воробей, обозвал свою подружку воровкой. Обиделась Мышь:

— А сам-то ты кто? Никогда не задумывался, почему тебя ВОРобей называют? Да от слова «вор»!

Тут уж Воробей обиды не стерпел, стал Мышь обзывать. Слово за слово, передрались приятели, а после драки воробьиный хвост совсем без перьев остался. Полетела птица ко Льву – звериному царю – на Мышь жаловаться. Просит бедняжка казнить наказать свою подружку за грабёж да за увечья.

— Это ж какой я теперь срам терпеть должен! – стонет Воробей. – Мне же теперь на улицу не выйти: даже ребятишки малые насмехаться будут!

— Ладно, – говорит Лев, – разберёмся с твоим делом. А ну-ка, слуги мои верные, доставьте пред царские очи Мышь-ответчицу!

А серая норушка-то ох и хитрющая! Прикинулась она сиротой казанской: левый глаз прищурила, еле-еле плетётся, на все ноги прихрамывает, на костыль опирается. Как добралась до трона царского, стала охать да стонать:

— Батюшка могучий Лев! Возвёл на меня плут пернатый напраслину! Он сам ни с того, ни с сего в драку полез! Выклевал мне злодей левый глаз да все ноженьки переломал! Насилу я от него вырвалась, чудом в норе схоронилась!

— А кто же Воробью все перья из хвоста повыщипывал? – спрашивает царь зверей.

— Знать не знаю, ведать не ведаю! А добрые люди сказывают, что он такой от роду был: без хвоста да без совести.

Обращается тогда Лев к Воробью:

— А кто-нибудь видел, как Мышь тебя за хвост драла?

— Конечно! – отвечает пернатый. – Есть у меня свидетели вернее верных: две сороки да ворона старая.

— Ой, не доверяю я всему вашему птичьему роду, а сорокам да воронам разве что только глупец поверит! – вынес вердикт царь зверей и прогнал бедняжку с бесчестьем.

Полетел тогда Воробей к Орлу – своему птичьему царю – пал ему в ноги, стал горько плакать:

— Защити, государь, меня, Воробьишку несчастного, холопа твоего верного! Не дай детям моим с голоду помереть! Если ты не вступишься, над всем птичьим родом даже малые ребятишки насмеяться будут!

Рассказал Воробей своему царю, как Мышь его опозорила, как Лев несправедливый суд вершил да как весь птичий род хулил. Разгневался Орёл, послал гонца Стрижа привести Мышь-ответчицу. А серая хитрюга сидит у норы, над Орлом насмехается:

— Мне ваш птичий царь не судья! Пусть сам ко мне придёт, если не боится. Я и ему перья повыщипываю!

Передали Орлу эти слова, ещё больше он разгневался. Послал боярина Ясного Сокола к царю зверей с требованием выдать ему Мышь-обидчицу. А коли не выдаст, пусть выходит в чисто поле со своей звериной ратью на смертный бой. Не послушался Лев орлиного приказа, не выдал ему плутовку серую, предпочел с соседями войну вести. И начался тут между зверями и птицами смертный бой. А всё из-за чего? Да из-за четверти макового зёрнышка! Бились рати три дня и три ночи без отдыха. Сколько птиц да зверей в том войне полегло, одному Богу известно. На четвертый день ослабло войско Львиное: притупились стальные когти, пообломались крепкие зубы. Не выдержали звери раненые, пустились наутёк в леса дремучие, болота топкие, ущёлья горные. А птицы за ними в погоню кинулись.

Остался на поле боя один Орел. Сидит он на высоком дубу чуть живой: весь избитый, израненный. В это время охотился в тех местах царь Светозар. Увидел он Орла немого, обрадовался лёгкой добыче. Поднял лук тяжёлый, натянул тетиву крепкую, приладил стрелу острую. Только выстрелить хотел, как Орёл стал просить его человеческим голосом:

— Не стреляй в меня, государь-батюшка! Возьми лучше к себе во дворец! Как время придёт, я тебе пригожусь!

— Да для какого же дела ты мне пригодиться сможешь? – удивился царь и снова стал прицеливаться.

— Не губи меня! – снова взмолился Орел. – Сослужу я тебе службу немалую! Как только мои крылья вновь окрепнут, я тебе добром отплачу!

Не верит птичьему царю Светозар:

— Речи у тебя сладкие, только какой с тебя толк?

Стал опять стрелу прилаживать да в раненую птицу целиться. А Орёл опять умоляет:

— Пожалей меня, государь! Возьми к себе да корми три года, три месяца и три дня. Как вернётся моя сила прежняя, сослужу я тебе службу великую!

Смилостивился тогда Светозар, взял Орла к себе во дворец, пообещал кормить до поры до времени. А съедал птичий царь ни много ни мало – в день по три быка, да ме-

довухи выпивал по три бочки. Призадумался тогда государь:

— Накладно мне будет такую птицу прожорливую кормить: за три-то года она всю скотину в моём царстве переест!

Как прошел год, велел Светозар выпустить Орла в дремучий бор силу свою испробовать. Взлетел птичий царь за темные тучи, а потом стрелой вниз бросился да ударился с разлёта грудью о высокий дуб. Устояло дерево, только надвое расколосось. Говорит тогда Орёл:

— Не вернулась пока ко мне сила прежняя, надобно меня дальше откармливать.

Прошёл ещё год, снова Светозар велел выпустить птицу в дремучем бору. Взвился Орел в поднебесье, а потом вниз бросился да ударился со всего размаха грудью о сырой дуб. Снёс он полдерева, а вторая половина устояла.

— Не вернулась ещё ко мне сила прежняя, – говорит птичий царь, – надобно меня дальше откармливать.

Прожил Орёл во дворце у Светозара три года, три месяца да три дня. Снова стал птичий царь силу свою испробовать: взвился выше чёрных туч, ринулся вниз и ударился грудью со всей силы в самый большой дуб. Расколосось дерево от верхушки до самого корня на мелкие щепки. Говорит тогда Орел:

— Вот теперь вернулась ко мне сила прежняя. Спасибо тебе, государь, за то, что ты меня, раненого, выходил, вылечил, кормил сытно три года, три месяца да три дня. Садись ко мне на крылья могучие, покажу я тебе страны далёкие, небеса высокие да моря глубокие, отплачу за твое добро.

Сел Светозар на Орла, поднялись они высоко-высоко в небо, полетели в далёкие дали. Как стали через синее море-океан пролетать, говорит птица царю:

— Погляди-ка, государь, по сторонам, да Расскажи мне: что за нами, что перед нами, что над нами да что под нами?

Огляделся Светозар и отвечает:

— За нами море, перед нами море, над нами небо, а под нами вода.

Наклонился тогда Орёл набок, государь с него и свалился, стал кверху тормашками падать. А птица кинулась камнем вниз, подхватила Светозара у самой воды, на спину себе усадила да дальше полетела. Три раза так птичий царь человека с себя скидывал и снова ловил, а потом спрашивает:

— Ну что, государь, каково тебе? Испугался, небось?

— Ой, испугался! Но каждый раз надеялся, что ты меня спасёшь, не дашь утонуть.

— То-то! Познал ты теперь, что такое страх смертный! Так же и я боялся, когда ты в меня трижды из лука целился. Да каждый раз надеялся, что смилостивишься. Помни теперь всю жизнь, как смерти бояться да как милостивым быть.

Вот осталось море позади, говорит тогда Орёл:

— Полетим мы с тобой, государь, в гости к моей старшей сестрице – медного царства царице. Погостим немного, а как станет она тебя одаривать, ты от всего отказывайся, не бери ни злата, ни серебра, ни камней самоцветных. Проси лишь ларчик медный с волшебным ключиком.

Прилетели они в медное царство, ударился Орёл о сырую землю и сразу в доброго молодца превратился. Увидела сестра брата своего любимого, стала обнимать, целовать, к сердцу прижимать да о житье-бытье расспрашивать:

— Братец ты мой родненький, где же ты пропадал? Больше трёх лет о тебе ни слуху ни духу не было. Уж как я по тебе сокрушалась, горькими слезами обливалась! Думала, что погиб ты в бою со Львом, нет тебя больше на белом свете.

— Лежать бы мне, сестрица, в земле сырой, – говорит добрый молодец, – если бы не Светозар. Он меня к себе во дворец взял, выходил, вылечил, три года, три месяца да три дня кормил, пока я снова сил не набрался.

Посадила царица гостей дорогих за столы дубовые, стала потчевать, а после угощения – дары подносить. Повела она Светозара в подвалы глубокие, а там казна несметная: злата, серебра да драгоценных камней целые горы.

— Бери, – говорит, – всё, чего тебе только хочется.

— Не надо мне ни злата, ни серебра, ни камней самоцветных. Подари ты мне ларчик медный с волшебным ключиком! – отвечает государь.

— Ишь, чего захотел! Не взыщи, любезный друг, но ни за что на свете не отдам тебе медный ларчик. Ежели ничего другого не желаешь, ступай так, с пустыми руками.

Рассердился птичий царь на сестру свою за такие речи, ударился о сырую землю, обернулся Орлом, подхватил Светозара на крылья могучие да полетел с ним прочь.

— Братец мой дорогой, не сердись, назад воротись! Не пожалею я и медного ларчика! – кричит вслед царица.

— Оpozдала, сестрица! – ответил брат и скрылся за облаками.

Долго ли, коротко ли они летели, пока не показалось внизу серебряное царство.

— Здесь живёт моя средняя сестрица, серебряного царства царица, – говорит Орёл. – Погостим у неё немного, а как станет она тебя одаривать, ты от всего отказывайся, не бери у неё ни злата, ни камней самоцветных. Проси лишь ларчик серебряный с волшебным ключиком.

Спустились они из поднебесья, ударился Орёл о сырую землю и сразу в доброго молодца превратился. Увидела сестра брата своего любимого, стала его обнимать, целовать, к сердцу прижимать да о житье-бытье расспрашивать:

— Братец ты мой родной, где же ты пропадал? Больше трёх лет я тебя не видела, ни-

чего о тебе не слышала. Уж как я сокрушалась, горькими слезами обливалась! Думала, что погиб ты в бою со Львом, нет тебя больше на белом свете.

— Лежать бы мне, сестрица, в могиле сырой, – говорит добрый молодец, – если бы не Светозар. Он меня к себе во дворец взял, выходил, вылечил, три года, три месяца да три дня кормил, пока я снова сил не набрался.

Посадила царица гостей дорогих за столы дубовые, стала потчевать, а после угощения – дары подносить. Повела она Светозара в подвалы глубокие, а там казна несметная: злата, серебра да драгоценных камней целые горы.

— Бери, – говорит, – всё, чего тебе только хочется.

— Не надо мне ни злата, ни камней самоцветных. Подари ты мне ларчик серебряный с волшебным ключиком! – отвечает государь.

— Ишь, чего захотел! Не взыщи, любезный друг, но ни за что на свете не отдам тебе ларчик серебряный. Ежели ничего другого не желаешь, ступай так, с пустыми руками.

Рассердился птичий царь на сестру свою за такие речи, ударился о сырую землю, снова Орлом обернулся, подхватил Светозара на крылья могучие да полетел с ним прочь.

— Братец мой дорогой, не сердись, назад воротись! Не пожалею я и серебряного ларчика! – кричит вслед царица.

— Опоздала, сестрица! – ответил брат и скрылся за облаками.

Снова долго они летели над долами, над лесами, над широкими полями, пока не показалось внизу золотое царство.

— Здесь живёт моя младшая сестрица, золотого царства царица, – говорит Орёл. – Погостим у неё немного, а как станет она тебя одаривать, ты от всего отказывайся, не бери у неё ни серебра, ни камней самоцветных. Просил лишь ларчик золотой с волшебным ключиком.

Спустились они из поднебесья, ударился Орёл о сырую землю и сразу в доброго молодца превратился. Увидела сестра брата своего любимого, стала его обнимать, целовать, к сердцу прижимать да о житье-бытье расспрашивать:

— Братец ты мой родной, где же ты пропадал? Больше трех лет о тебе ни слуху ни духу не было. Уж как я по тебе сокрушалась, горькими слезами обливалась! Думала, что погиб ты в бою со Львом, нет тебя больше на белом свете.

— Лежать бы мне, сестрица, в земле сырой, – говорит добрый молодец, – если бы не Светозар. Он меня к себе взял, выходил, вылечил, три года, три месяца да три дня кормил, пора я снова сил не набрался.

Посадила царица гостей дорогих за столы дубовые, стала потчевать, а после угощения – дары подносить. Повела она Светозара в подвалы глубокие, а там казна нес-

метная: злата, серебра да драгоценных камней целые горы.

— Бери, – говорит, – всё, чего тебе только хочется.

— Не надо мне ни серебра, ни камней самоцветных. Подари ты мне ларчик золотой с волшебным ключиком! – отвечает государь.

— Не пожалею я ради брата родного ничего! Ты его у себя три года, три месяца да три дня держал, лечил, кормил, воротил Орлу силу прежнюю, а мне – брата милого. Бери себе на счастье золотой ларчик!

Взял Светозар подарок, а потом говорит Орлу:

— Спасибо тебе, птичий царь, за науку да за прекрасное путешествие. Показал ты мне страны далёкие, небеса высокие да моря глубокие, а теперь настала пора мне в своё государство возвращаться.

— И тебе за всё спасибо! – отвечает Орёл. – Не поминай меня лихом! Вот тебе на прощанье ещё один совет: не отпирай золотой ларчик, пока домой не воротишься.

Распрощались они, птичий царь в небо взмыл да в даль поднебесную улетел. А Светозар собрал команду, снарядил корабль и в своё государство отправился. Долго ли он плыл, коротко ли, пока не увидел посреди моря-океана зелёный остров. Приказал царь к тому острову причалить, чтобы отдохнуть немного от качки морской на твёрдой земле. Взял он с собой золотой ларчик, повернул ключик в замке да и отомкнул его, по забыв про совет птичьего царя. И тут же перед ним золотой город появился: дворцы да церкви словно жар горят, улицы белым золотом устланы, а мосты через речки – червонным. Смотрит государь да диву даётся – как в такой маленькой шкатулке смог такой огромный город поместиться? И так ему обидно стало, что он Орла не послушал – до приезда домой ларчик открыл – хоть плачь! Не знает царь, как теперь этот город чудесный обратно в шкатулку сложить, чтобы в своё государство забрать. Вдруг забурило синее море, накатили на берег огромные волны, вышел из пучины незнакомец и спрашивает:

— О чем, государь-батюшка, кручинишься?

— Да вот, мил человек, – отвечает царь, – не знаю я, как город золотой обратно в ларчик поместить, чтобы домой отвезти.

— Ну, этому горю я помогу! А ты мне за это пообещай отдать то, о чём тебе в твоём государстве неведомо.

Думает Светозар:

— Да о чём же таком мне в собственном царстве неведомо? Обо всём я знаю, а значит, ничем не рискую!

Пообещал он незнакомцу условие выполнить:

— Собери, – говорит, – мне золотой город в ларчик. А я отдам тебе то, о чём не ве-

даю. Вот тебе мое царское слово!

Только вымолвил он эти слова, как город весь в ларчик убрался, а человек незнакомый в пучине морской скрылся. Взял царь ларчик, вернулся на корабль и поплыл домой. Прибыл Светозар в своё государство, а там уж его с радостной вестью встречают: родила царица сына Ивана, государева первенца. Обрадовался царь долгожданному наследнику, но вспомнив про своё обещание, что на острове незнакомцу дал, залился горькими слезами. Понял он, что это сам Морской владыка к нему в человеческом обличье выходил. Стала царица супруга расспрашивать:

— О чем ты, муж мой милый, так горюешь? Разве не рад ты, что наследник у нас родился?

Рассказал ей тогда Светозар, что пообещал он Морскому владыке отдать то, о чём ему неведомо. Думал царь, что обо всём в своём государстве знает. А тут вот оно как... Теперь придётся наследника своего отдавать, слово-то царское держать надобно! Поплакали они с царицей вместе, да слезами горю не поможешь. Открыл Светозар волшебный ларчик, раскинулся перед ним золотой город. Стали они в нём жить-поживать да сына воспитывать. А Иван-царевич вырастет, словно опара подымается. Вырос он таким славным молодцом, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Думает царь: сколько ни держи сына у себя, а отдавать Морскому владыке всё равно придётся. Слово данное – свято, а царское – вдвое. Отвёл Светозар, скрепя сердце, Ивана-царевича к синему морю и говорит:

— Поищи-ка, сынок, мой перстень: я его здесь намедни обронил, никак отыскать не могу.

Пока царевич по берегу ползал, не заметил, как отец домой ушёл. Поднялся юноша с песка, а тут откуда ни возьмись старушка плетётся, спотыкается, о клюку опирается. Остановилась и спрашивает:

— Что ты тут, добрый молодец, делаешь?

— А тебе-то что за дело, старая? – грубо ответил Иван.

Ничего не сказала старушка, лишь вздохнула да дальше пошла. Снова царевич один остался. Стоит и думает:

— Зачем же я путницу старую обидел? Догоню-ка её, извинюсь и спрошу, где мне перстень батюшкин искать: старые-то люди мудры да догадливы.

Бросился он вслед за старушкой, нагнал её и говорит:

— Прости меня, бабушка, за грубые слова! Просто больно уж досадно: заставил меня отец перстень на берегу искать, а сам ушёл. Как же мне колечко в песке найти?

Вздохнула странница и отвечает:

— Перстень – это просто предлог был. Когда ты только родился, дал твой батюшка

слово Морскому владыке, что отдаст тебя ему в услужение. Вот пришла пора слово царское сдержать.

Заплакал Иван-царевич, не знает, что ему делать.

— Не тужи, добрый молодец, слезами горю не поможешь! Делай так, как я тебе скажу. Спрячься за тот смородиновый куст, что ближе всего к морю растёт, да сиди тихо. Ровно в полдень прилетят одиннадцать белых голубиц, красных-девиц, а за ними двенадцатая – тоже белая, только с пестрыми крылышками. Сбросят птицы свои перья да купаться пойдут. А ты подкрадись и утащи пестрые пёрышки. Даст тебе за них девица выкуп – золотое колечко, станешь ты её суженым. После этого смело можешь идти в подводное царство к Морскому владыке, ничего худого с тобой не случится.

Поблагодарил Иван-царевич старушку, пошел к синему морю, спрятался за смородиновый куст да стал ждать. Ровно в полдень прилетели к тому месту одиннадцать белых голубиц, сбросили свои пёрышки и обернулись красными девицами – одна другой краше. Кинулись они в море купаться: плещутся, играют, песни поют, серебристой водичкой брызжутся. Вслед за ними прилетела двенадцатая голубица с пестрыми крылышками. Оставила она свои пёрышки на берегу и отправилась вместе с сёстрами плескаться. А Иван-царевич подкрался да утащил пестрые перья. Вышли девицы из воды, стали одеваться, хватъ – а пёстрые-то пёрышки пропали! Говорит тогда девушка:

— Сестрицы-голубушки, улетайте без меня домой. Не досмотрела я за своей одеждой, сама и буду ответ держать пред батюшкой.

Надели красные девицы свои пёрышки, обратились голубками да прочь улетели. А та, что без одежды осталась, осмотрелась кругом, стала кликать:

— Отзовись, добрый человек, что мои пёрышки взял! Коли ты старичок, будь мне дедушкой. Коли старушка, стань мне бабушкой. Коли красная девица, будь сестрицей названной. А коли добрый молодец – быть тебе моим суженым.

Как услышал эти речи Иван-царевич, вышел из-за куста смородинового. Увидела его девушка и говорит:

— Ах, Иван-царевич, что же ты никак до нашего царства подводного не доберёшься? Батюшка мой – Морской владыка – уже гневается! Ступай к нему скорее! Вот тебе золотое колечко, береги его да помни, что я – твоя суженая, Василиса Премудрая.

Надела девушка свои пёрышки, обернулась голубкою и прочь улетела. А царский сын зашёл в пучину морскую да отправился на самое дно. Шёл он, шёл, пока до подводного царства не добрался. Как увидел его Морской владыка, стал браниться:

— Где ты так долго пропадал? Отчего все эти годы на глаза мне не показывался? За такую провинность изволь сейчас же приниматься за работу! Есть у меня триста скирд пшеницы, а в каждой скирде по триста копен. К утру обмолоти всё дочиста, да смотри:

скирд не ломай, снопов не разбивай! А коли не сделаешь так, как я велю, возьму я свой меч – полетит твоя голова с плеч!

Выслушал Иван царя, вышел из дворца и горько заплакал. А Василиса Премудрая его из своего терема увидала и спрашивает:

— Что тебя, суженый мой, так опечалило? Почему ты горькими слезами заливаешься?

— Да как же мне не плакать? – отвечает царевич. – Велел мне отец твой к завтрашнему утру триста скирд обмолотить, да так, чтобы их не поломать да снопов не разбивать. А разве я могу это сделать?

— Не горюй, Иванушка! Это еще не беда – беда будет впереди. Ложись-ка спать: утро вечера мудренее.

Отправился Иван-царевич в горницу, что ему Морской владыка выделил, а Василиса Премудрая вышла из терема своего высокого, в ладоши хлопнула да закричала звонким голосом:

— Гей вы, слуги мои верные, муравьи ползучие! Собирайтесь-ка все, сюда! Выбирайте зерно из скирд батюшкиных да складывайте его в закрома!

Набежало тут муравьев видимо-невидимо, выбрали они зерно да сложили его в закрома. Наутро позвал Морской владыка Ивана-царевича во дворец и говорит:

— Ну и хитер же ты, добрый молодец! Видел я твою работу – чисто сделано! Дам я тебе другое задание: слепи-ка мне к завтрашнему утру церковь из воска. Сделаешь – молодец, а не сделаешь – снесёт мой меч твою голову с плеч!

Выслушал Иван царя, вышел из дворца и горько заплакал. А Василиса Премудрая его из своего терема увидала и спрашивает:

— Что тебя, суженый мой, так опечалило? Почему ты горькими слезами заливаешься?

— Да как же мне не плакать? – отвечает царевич. – Велел мне отец твой за одну ночь церковь из воска слепить. Да разве ж я сумею с этим заданием справиться?

— Не кручинься, Иванушка! Это еще не беда – беда будет впереди. Ложись-ка спать: утро вечера мудренее.

Отправился Иван-царевич в свою горницу, а Василиса Премудрая вышла из терема высокого, в ладоши хлопнула да закричала звонким голосом:

— Гей вы, слуги мои верные, пчелки-работницы! Прилетайте-ка всё сюда! Слепите мне церковь восковую, да побыстрее, чтобы к утру была готова!

Тут откуда ни возмись налетело пчел видимо-невидимо, начали они работать: одни воск из ульев носят, другие лепят. Вышла церковь на славу! Позвал наутро Морской владыка Ивана-царевича к себе и говорит:

— Видел я твою работу: мастер ты из воска лепить, хитро сработано! Получай теперь ещё одно задание! Есть у меня конь, на него еще никто сесть не осмеливался. Объезди этого коня, научи его под седлом скакать. Коли не справишься, полетит твоя голова с плеч долой. А если объездишь, отдам я тебе в жёны любую из моих дочерей, какую пожелаешь.

Идёт Иван-царевич от Морского владыки и думает:

— Ну, эта работа нетрудная – с конём-то я справиться сумею.

А Василиса Премудрая выглянула в окошко да спрашивает:

— Что, Иванушка, не сильно тебя сегодня батюшка мой озадачил?

— Да пустяковое дело: всего-то коня обуздать необъезженного!

— Эх, суженый! Вот теперь-то беда пришла неминуемая! И тут уж я тебе ничем помочь не смогу. Не простого тебе коня объезжать придётся! Жеребцом тем сам батюшка мой обернётся! Подхватит он тебя на спину да помчит выше леса дремучего, ниже облака ползучего, разнесет твои косточки по чистому полю!

— И как же мне быть теперь? Научи, Василисушка!

— Попроси у кузнеца выковать палицу железную, весом в двадцать пудов. Как оседлаешь коня, держись крепче да бей его той палицей промеж ушей без отдыха.

Пришёл наутро Иван в конюшню, вывели ему коня необъезженного. Двадцать конюхов жеребца того под уздцы держат, а он храпит, на дыбы становится, из ноздрей пар клубами валит. Только оседлал царевич того коня, как поскакал он выше лесу дремучего, ниже облака ползучего. Крепко держится наездник в седле, впился в бока лошадиные шпорами булатными да бьёт его промеж ушей двадцатипудовой палицей без отдыха. Сбавил конь свою прыть, стал спускаться пониже. А Иван знай себе палицей его охаживает. Опустился жеребец на сырую землю, встал как вкопанный, еле дышит, сам весь пеною покрыт, словно мылом намыленный. Отвел царевич его в конюшню да пошёл к себе в горницу.

Под вечер явился царский сын к Морскому владыке, а тот сидит сумрачный, сердитый, голова платком обвязана.

— Ну что, Иван, объездил коня? – спрашивает.

— Объездил, Ваше морское величество!

— А коли так, слово я своё сдержу. Приходи завтра выбирать себе невесту, а то сегодня мне что-то не по себе, больно уж голова болит.

Наутро забежала к царевичу в горницу Василиса Премудрая и говорит:

— Будешь сегодня себе невесту выбирать, смотри – не обознайся! Превратит сперва Морской владыка всех двенадцать своих дочерей в кобылиц, а ты примечай: у всех блёсточки на уздечках будут ясными, а на моей уздечке одна блесточка потускнеет. Обер-

нёт потом нас батюшка в голубиц да насыплет гречихи: все будут клевать, а я не стану. В третий раз покажет тебе папенька нас в девичьем обличье. Ты ту выбирай, которой на щёку маленькая мушка сядет.

Так и вышло, как Василиса Премудрая рассказала. Вывели сперва двенадцать кобылиц. Все масть в масть, грива в гриву, хвост в хвост, у каждой уздечка серебряная.

— Выбирай любую! – говорит Морской владыка.

Оглядел Иван уздечки: все серебром горят, только у одной кобылицы чуть-чуть блёсточка потускнела. Взял её царевич под уздцы:

— Вот моя невеста!

— Плохую берёшь, получше бы выбрал!

— Мне и эта хороша!

— Ну, тогда снова выбирай!

Выпустил Морской владыка двенадцать голубиц: все белые, гладкие, перо в перо, крыло в крыло. Насыпал он гречихи, все голубки стали клевать, а одна не клюёт, от зерна отворачивается. Взял Иван эту птицу и говорит:

— Вот моя невеста!

— Плохую берёшь, получше бы выбрал!

— Мне и эта хороша!

— Больно уж ты хитер, как я посмотрю! Своим ли умом доходишь, али помогает кто? Ну, выбирай в последний раз. Не узнаешь, возьму меч да снесу твою голову с плеч!

Явились пред Иваном двенадцать девиц, все красавицы, как на подбор: рост в рост, лицо в лицо, платье в платье. Только у одной на щеке мушка маленькая сидит. Взял царевич ту девицу за руку и говорит:

— Вот моя невеста наречённая!

— Ладно, быть по-твоему! – сказал Морской владыка, а сам как туча чёрная насупился.

Делать нечего, пришлось ему выдать дочь свою любимую Василису Премудрую за Ивана-царевича. Стали жить-поживать молодые в мире да согласии. Только Морской владыка злобу в сердце на зятя затаил. Чувствует это Иван, не по себе ему. Да и соскучился добрый молодец по отцу, по матери, по родине своей любимой. Захотел царевич из подводного царства сбежать, говорит он жене:

— Чувствую я, Василисушка, что батюшка твой на меня злобу держит. Не будет нам здесь житья: хочет меня Морской владыка извести, со света сжить. Да и соскучился уж я больно по отцу, по матери, по родине своей любимой. Уйдём-ка мы с тобой подобру-поздорову из подводного царства!

— Что ж, пойдём, – отвечает Василиса Премудрая. – Только знай: будет за нами ве-

ликая погоня. Разгневается батюшка, догонит нас и предаст лютой смерти, коли мы его хитростью да мудростью не проведем.

Ночью порезала Василиса Прекрасная себе мизинчик, капнула по капельке крови в трёх углах терема да заперла двери крепко-накрепко. Потом оседлали молодые резвых коней и поскакали прочь из царства подводного. Наутро приходят слуги, стучатся в терем:

— Просыпайтесь! Морской владыка вас к себе зовет!

А одна кровинка им отвечает:

— Рано больно, мы ещё не выспались!

Ушли слуги, ждали-ждали, через час опять в дверь стучат:

— Пора вставать! Морской владыка вас к себе требует!

Тут другая кровинка отвечает:

— Встаём, одеваемся!

Ждали-ждали слуги, опять стучат:

— Выходите! Батюшка гневаться изволит!

— Сейчас придём! – отвечает третья кровинка.

Ещё час прошёл, тут уж у слуг совсем терпенье кончилось, стали опять в дверь стучать. Стучали-стучали, да так и не достучались. Выломали они тогда дверь, глядь, а в тереме-то пусто, только кровяные капельки в углах поблёскивают. Доложили обо всем Морскому владыке. Разгневался он, послал за беглецами в погоню. А Иван-царевич с Василисой Премудрой уж далеко-далеко ускакали, вот-вот до границы подводного царства доберутся да на сухом берегу окажутся.

— Ну-ка, Иванушка, – говорит жена, – слезь с коня, припади ухом к сырой земле да послушай, нет ли погони за нами?

Спешился царевич, припал ухом к земле и отвечает:

— Слышу я людскую речь да конский топот.

— Это за нами слуги батюшкины мчатся, нужно прятаться!

Только успела она коней в зелёный луг превратить, мужа своего в старого пастуха, а себя в овечку, как настигла их погоня.

— Эй, старик, – спрашивают слуги, – не видал ли ты где поблизости молодца с красною девицей на резвых конях?

— Нет, не видал, люди добрые, – отвечает пастух. – Сколько уж лет на этом месте овец пасу, только ни разу птица мимо не пролетала, зверь мимо не пробегал.

Вернулись слуги к Морскому владыке с докладом:

— Никого на пути-дороге мы не встретили, Ваше морское величество. Видели только старика-пастуха, что овечку на зеленом лугу пасет.

— Что ж вы, разини, их не схватили?! Ведь это и есть дочь моя с мужем своим! – закричал Морской владыка и снова в погоню послал.

А Иван-царевич с Василисой Премудрой вновь в людей превратились да дальше поскакали. Вот час прошёл, другой пролетел, говорит жена:

— Ну-ка, Иванушка, слезь с коня, припади ухом к сырой земле да послушай, нет ли погони за нами?

Спешился царевич, припал ухом к земле и отвечает:

— Слышу я людскую речь, да конский топот пуще прежнего.

— Это за нами слуги батюшкины мчатся, нужно прятаться!

Только успела она коней в деревья превратить, мужа в старичка-священника, а себя в ветхую церковь, как настигла их погоня.

— Эй, старичок, – спрашивают слуги, – не видал ли ты где поблизости молодца с красною девицей на резвых конях или пастуха с овечкой?

— Нет, не видал, люди добрые. – отвечает священник. – Сколько лет здесь служу, сам эту церковь строил, только ни разу птица мимо не пролетала, зверь мимо не пробегал.

Вернулись слуги к Морскому владыке с докладом:

— Никого на пути-дороге мы не встретили, Ваше морское величество. Видели только старичка-священника да церковь ветхую.

— Что ж вы, разини, их не схватили?! Ведь это и есть дочь моя с мужем своим! – разгневался Морской владыка и сам в погоню помчался.

А Иван-царевич с Василисой Премудрой вновь в людей превратились да дальше поскакали. У самого берега снова говорит жена:

— Ну-ка, Иванушка, слезь с коня, припади ухом к сырой земле да послушай, нет ли погони за нами?

Спешился царевич, припал ухом к земле и отвечает:

— Слышу я людскую речь громче громкого, да такой сильный топот, словно гром гремит!

— Это за нами сам батюшка гонится, нужно скорее прятаться!

Едва успела она коней в глубокое озеро превратить, мужа в селязня, а себя в серую уточку, как настиг их Морской владыка. Ударился он о сырую землю, обернулся коршуном, стал на утку с селязнем нападать. Только хочет птиц клюнуть, а те раз – и в озеро ныряют. Снова коршун разлетается, на птиц кидается, а те снова под водой скрываются. Совсем выбился отец из сил. Понял он, что дочку свою не воротишь. Ударился он оземь, снова в Морского владыку превратился да ни с чем во дворец вернулся.

А Иван-царевич с Василисой Премудрой дальше поскакали, пока из подводного

царства на сушу не выбрались. Как оказались они на сухом берегу, говорит муж жене:

— Подожди меня здесь, Василисушка. Пойду я с родителями поздороваюсь, да предупрежу их, что не один я вернулся.

— Ступай, Иванушка, – говорит Василиса Премудрая, – только как увидишь своих братьев да сестёр, которых ты еще не видывал, не целуй их, а то навсегда меня позабудешь.

Пообещал Иван-царевич, да только как добрался до дворца, сразу кинулся отца с матушкой да сестёр с братьями обнимать-целовать. Позабыл он жену свою любимую, как будто её никогда и не было. А Василиса Премудрая три дня да три ночи ждала мужа на берегу, так и не дождалась. Измазала она тогда своё царское платье в морском иле, запутала в волосы водоросли. Притворилась царевна нищенкой, стала по городу бродить, пристанище искать. Пожалела девушку крестьянка старая, взяла к себе в работницы.

А царь тем временем собрался Ивана на королевне соседской женить. Бросил он клич по всему своему царству, чтобы собирались все его подданные поздравлять жениха с невестой, да чтобы несли по старинному обычаю пироги на свадебный стол. Стала и старушка, у которой Василиса Премудрая жила, пирог стряпать.

— Кому это ты, бабушка, пирог печешь? – спрашивает дочь Морского владыки.

— Да царь наш сына своего старшего женить на соседской королевне собрался. Велено всем подданным пироги испечь да на свадебный стол принести.

— Испеку и я от себя пирожок, – говорит Василиса Премудрая.

— Ну что ж, пеки! – согласилась старушка.

Испекла Василиса Премудрая пирог, а вместо начинки посадила в серединку голубя с голубкой. Вот начался во дворце пир горой. Сидят жених с невестой за свадебным столом, принимают от гостей подношения. Только стали тот пирог резать, что Василиса Премудрая испекла, как вылетели из него голубь с голубкою. Полетали-полетали птицы по царской горнице да сели на стол перед женихом с невестой.

— Вспомни-вспомни, голубок, – говорит голубка, – как была я овечкой, а ты пастухом.

— Забыл-забыл, голубушка! – отвечает голубок.

— Вспомни-вспомни, как была я церковью, а ты старичком-священником.

— Забыл-забыл, голубушка!

— Вспомни-вспомни, голубок, как была я серой уточкой, а ты селезнем.

— Забыл-забыл, голубушка!

— Ну-ка вспомни, как говорила тебе Василиса Премудрая, что ты её позабудешь, коли поцелуешь своих сестриц да братцев!

Вдруг Иван-царевич как закричит:

— Вспомнил-вспомнил!

Вскочил он из-за стола, приказал разузнать, кто принёс пирог с голубями? Показали слуги на нищенку, что в уголке стоит рядом с челядью. Кинулся к ней Иван-царевич, стал обнимать-целовать. А потом и говорит:

— Батюшка, матушка мои родимые! Вот моя жена законная, Богом данная! Люблю я её больше жизни, никакая другая мне не нужна!

Рассказал он отцу с матерью, как в подводном царстве у Морского владыки жил да как от погони бежал. Поблагодарили царь с царицей невестушку за то, что она сына их от гибели неминуемой спасла, а потом закатили пир на весь мир. Стали Иван-царевич с Василисой премудрой жить-поживать да добра наживать.